

К 70-летию со дня рождения Н. Ф. ПОГОДИНА

Н. Ф. ПОГОДИН и Б. В. ШУКИН в гриме Ленина, 1937 год.

Погодин пишет Ленина

Алексей ВОЛГАРЬ

ВТО ВРЕМЯ когда «Человек с ружьем» с триумфом шел по театрам страны, сам Н. Ф. Погодин называл эту пьесу «ученической работой» и говорил, что готов «сделать следующий шаг» на пути постижения величайшего образа.

Уверенность драматурга явилась результатом сделанных им методологических открытий при создании первой ленинской пьесы, результатом проникновения в характер вождя, результатом страстного желания продолжить работу над образом Ленина в новом аспекте, который был уже найден и требовал реализации.

В начале 1938 года я впервые услышал от Николая Федоровича, что он решил написать продолжение «Человека с ружьем». Торжественно, взволнованным голосом он рассказал о своем новом замысле:

«Когда я прочел в «Что делать?» ленинские слова «Надо мечтать!», у меня сильно забило сердце. Я представил себе Ильича в крестьянской избе, мечтающего при свете лучины об электрификации. И если в «Человеке с ружьем», — продолжал Погодин, — я сделал попытку показать Ленина — вождя и организатора Октябрьской революции, то в новой пьесе мне хочется показать Ленина в мечтах о стране, залитой электричеством, и в трудах над воплощением мечты в жизнь».

Такая обстоятельная заявка значила, что у драматурга длительный период вынашивания идеи уже миновал, образы найдены, ситуации намечены, сюжет готов. Теперь он начнет, как обычно, досконально изучать все материалы, относящиеся к теме произведения, к социальной среде его будущих героев, после чего в течение нескольких недель будет, выражаясь его словами, «записывать рукой» продуманное, прочувствованное, зрелое.

Потом у него наступал своеобразный период, который он шутил называл «пробой на первых собаках». Каждому, кто ему попадался, он с азартом рассказывал отдельные эпизоды пьесы. Мне приходилось слышать один и тот же эпизод, рассказанный разным лицом по-разному. Я замечал, как эпизоды видоизменялись, совершенствовались и обрастали деталями. После этого, уже за письменным столом, он приступал к многотрудной и кропотливой отделке характеров и шлифовке языка, что, как правило, занимало у него не менее полугода. Драматург много писал, зачеркивал, переписывал заново, и варианты целых эпизодов летели в корзину. Он не любил собирать черновики для потомства.

Писал Погодин очень своеобразно. Он был как бы и постановщиком, и ис-

полнителем каждой написанной им роли. Драматург говорил: «Я пьесы пишу «вслух» и проигрываю все образы». Однажды за этим занятием Погодина застал его маленький сын и спросил: «Папа, что ты делаешь?» — и начал плакать. «Потому, — рассказывал Погодин, — что видел меня сумасшедшим». Николай Федорович входил в роль, забывал обо всем и начинал жить радостями и бедами своих героев. Жена жаловалась: «Ты разговариваешь со мной, а думаешь о другом».

В этот период вдохновенной работы драматург пишет жене:

«Милая, жду тебя... и, наверно, тогда буду спокоен, тихо писать понемногу, а потом читать тебе, как всю жизнь. Это такая привычка, что мне неинтересно работать, когда некому почитать, порадоваться или рассердиться, кричать, что ты ничего не понимаешь, и все переделывать...»

Мне он тогда поручил подобрать материалы по плану ГОЭЛРО и сделать историко-экономический обзор начала 20-х годов. Я прочел много мемуарной, историко-экономической литературы и приготовил несколько школьных тетрадей с выписками, которые драматург с интересом прочел.

Следует отметить, что Николай Федорович и сам великолепно знал это время, ибо был частью его...

«В газету «Трудовой Дон», где начал свой журналистский путь Николай Погодин, пришла по телеграфу первая весть об электрификации России. Погодин вспоминал: «План — это потом, позже. Пока было одно слово «электрификация», и, несмотря на свой технизм, оно было поэтическим словом света, надежды, мечты... А живем мы худо. Живем мы страшно. Разруха...»

Вскоре редакция поручает ему опisać в газете рабочее собрание, посвященное плану ГОЭЛРО, и он отправляется в ростовский трамвайный парк. Там после работы, в первом часу ночи, «буржуазный спец-инженер» два часа докладывает собранию об электрификации России.

«Инженер... сам устроил этот доклад, — рассказывает Н. Погодин. — Энергетика составляет главную цель его жизни, и ленинский замысел электрификации России ему поистине дорог... В февральскую пургу я бегу домой со звоном в душе. Какая мечта! Ем сухую, холодную, синюю кашу... и сажусь к своей лампе писать отчет о собрании трамвайщиков: «Ночь мечты».

Статья эта была опубликована под более прозаическим заголовком — «Из уст спец». В ней начинающий журналист полемизирует с тем, что вышедшей книгой Г. Уэллса «Россия во мгле», в которой английский писатель называет Ленина «кремлевским мечтателем» и уверяет, что без американской помощи Россия погибнет.

Герой погодинского очерка, беспартийный специалист, на основе научных

16 ноября исполняется 70 лет со дня рождения выдающегося советского драматурга Николая Федоровича Погодина (1900 — 1962).

Он пришел в театр из журналистики, получив закалку в «Правде», много поедив по стране, воочию повидав, ощутив всем сердцем размах политического и трудового энтузиазма строителей нового мира. Это оплодотворило его талант драматического писателя незаметным знанием жизни, глубоким пониманием характера современника — человека новой, социалистической формации.

Ярко, смело, крупно Погодин воплотил такие характеры уже в ранних своих пьесах («Темп», «Поэма о топоре», «Мой друг»), раскрывающих образ передового человека современности и через него — героики и пафос первых пятилеток.

Тема труда, преобразующего и духовно обогащающего людей, острое чувство времени, жизнеутверждающее, оптимистическое восприятие действительности отличают все богатейшее творчество Погодина, давшего нашему театру и кинематографу десятки пьес и сценариев.

Но главным, поистине величественным делом жизни этого большого художника, к которому логически привел его весь предшествующий творческий путь, стала сценическая Лениниана, по сей день являющаяся неоценимым достоянием советского театра.

«Основная заслуга Погодина перед драматургией, — писал К. Тренев, — заключается в том, что он первый решился показать на сцене... образ великого Ленина. И он осуществил этот свой смелый творческий замысел с большим успехом».

За трилогию о В. И. Ленине в 1959 году Н. Ф. Погодин был удостоен Ленинской премии.

Необыкновенно интересны, поучительны процесс работы художника-гражданина над ленинской темой, его мысли и суждения по этому важнейшему вопросу живой практики театра и кино. Помимо опубликованных в периодике, собранных в книгах статей, писем самого Погодина, много полезного в этом плане могут сообщить те, кто близко знал Николая Федоровича, непосредственно наблюдал зарождение и осуществление его вдохновенных замыслов.

Алексей Волгарь, проработавший четверть века литературным секретарем драматурга, а ныне — секретарь комиссии Союза писателей СССР по литературному наследию Н. Ф. Погодина, рассказывает сегодня на наших страницах о том, как Николай Федорович Погодин создавал центральную часть своей замечательной трилогии о В. И. Ленине — пьесу «Кремлевские куранты».

и экономических данных доказывает собранию ростовских трамвайщиков, что «Россия не есть погубившая страна, которую, по мнению многих, нам самим не спасти. Мы владем такими богатствами, которыми не владеет ни одно государство в мире...». И ленинская мечта отдавалась праздничным звоном в сердцах рабочих-трамвайщиков и самого Погодина. Он пишет: «Светлеют рабочие лица... Собрание закончилось пением «Интернационала».

Обратите внимание, как этот «специальный» похож в самом главном на Забелина из «Кремлевских курантов».

По волнению, по душевному подъему, с каким работал над этой пьесой драматург, было видно, что в нем еще звенят отголоски его журналистской юности, светит огонь, зажженный Лениным.

Погодин мечтал написать пламенного Ленина, который в страшной нищете, темноте и невежестве, оставленных России царизмом, сумел заронить искры творческой одержимости в души советских людей. «Главное, что хотел я показать в Ленине — в «Курантах», — говорил драматург, — это его приверженность мечте, высокий полет мысли, творческой фантазии. Это его неумное стремление к переустройству мира. Невысказанная энергия, постоянная работа ума — таким виделся мне Ленин в этой пьесе».

Почти двадцать лет спустя Погодин вновь обращается к книге Уэллса «Россия во мгле». Он говорил: «Я брал из нее почти дословно текстовый материал».

В яркой контрастности между ленинской мечтой об электрификации и увиденной Уэллсом действительности Погодин нашел «драматическое зерно» всей пьесы. Теперь ему было легко полемизировать с англичанином, ибо многие ленинские мечтания уже были реализованы советским народом, в творческие возможности которого Уэллс не верил.

Драматург подчеркивал: «...Я стремился написать Ленина так, чтобы за ним вставал образ победившей революции, победившего народа».

И опять, как в «Человеке с ружьем», Погодин берет «только миг из огромной ленинской жизни». Но в «Кремлевских курантах» ему гораздо легче было писать образ Ленина. «Он как бы приблизился ко мне, — рассказывал драматург, — я чувствовал себя с ним, как со старым знакомым — а художественном смысле этого слова. Уже не мешало то чувство непреодолимой робости, которое так затрудняло работу в первой пьесе... Работая над второй пьесой, я чувствовал себя уверенней, вводил больше фактов, деталей».

При этом Погодин исходил из своего убеждения в том, что «драматургия должна всегда идти по большой дороге жизни: Как только вы допустили частность, т. е. взяли какую-то частную, хотя бы и интересную тему, вы

сделали ошибку: она не взволнует большинства, она не будет популярна. Он считал, что в ленинских пьесах должны разрабатываться самые трудные, сложные, переломные этапы нашей истории, когда от Ленина требовалось напряжение всех его творческих сил, всей мощи ума и чувств, и ссылаясь на Энгельса, который говорил: «Великий человек должен быть изображен в те моменты своей жизни, когда больше всего обнаруживается его величие».

Во второй части своей Ленинианы драматург показывает Владимира Ильича в ответственной момент становления молодого Советского государства. Залетая своей мыслью далеко вперед, гениальный вождь создает план закладки фундамента коммунизма.

Погодин уточнял: «Временем действия пьесы я взял момент электрификации России, темой — интеллигенцию, которая шла к революции... В те годы, о которых рассказывает пьеса, важной проблемой было привлечение саботирующих специалистов на сторону Советской власти. Ленин сам часто разговаривал с ними, сам привлекал их к работе. В его жизни это составляло маленькую частицу — всего полчаса или час, но при этом жизнь человека, с которым он беседовал, круто менялась. Я знал об одной такой встрече Ленина со специалистом, который отказался работать с Советской властью. Ленин вызвал его и спросил: «Так саботировать или работать?» На основе одной только этой фразы была построена вся сцена с Забелиным».

Интересно отметить, что сцена встречи Ленина с Забелиным, как в свое время и сцена встречи Ленина с Шадриным в «Человеке с ружьем», была написана драматургом первой и лишь в ходе дальнейшей работы над «Кремлевскими курантами» стала восьмой — кульминационной.

Сам Погодин считал ее «наиболее удавшейся» и говорил: «В ней, мне кажется, удалось передать характерные и важные ленинские черты, передать ленинский юмор».

Очень нравилась эта сцена Б. В. Шукину. Он, как и Погодин, полагал, что в своих предыдущих работах создал не больше чем черновой эскиз к образу Ленина, и поэтому живо интересовался новой пьесой драматурга.

В этот период Борис Васильевич Шукин стал частым гостем в доме Погодина и при встрече с хозяином неизменно спрашивал с ленинскими интонациями в голосе:

— Так что же, саботировать или работать?

— Я не предполагал, что мои личные проблемы могут кого-нибудь заинтересовать, — отвечал ему басом Погодин.

— Представьте себе, что интересуют, — говорил Шукин и уже своим голосом спрашивал: — Есть что послушать?..

Мне особенно запомнился вечер, когда Погодин читал эпизод с нищей. По-

том импровизировал Шукин. Он вдруг преобразился, сделался похожим на Ильича и его голосом спросил: «Вы умеете мечтать, товарищ Рыбаков?» После небольшой паузы, с огромной убежденностью сказал: «Надо мечтать... Надо». В конце монолога его прищуренные глаза вспыхнули, и проникновенным голосом, в котором слышались уважение, гордость, любовь, он произнес: «С нашим народом можно мечтать, можно дерзаться!»

Близилась первая годовщина премьеры «Человека с ружьем», и, по совету Шукина, Погодин обратился через прессу к театрам с призывом продолжить работу над ленинской темой, не смотреть на нее только как на «юбилейную».

«К определенной дате, — писал он в статье «Искатели пьес», — наши театры поставили известные всем пьесы, где впервые наша драматургия и театр попытались сделать робкий шаг к сценическому воплощению великого образа Ленина. ...Казалось бы, что надо продолжать работать дальше, привлекать новых людей, работать с теми, кто сделал свои первые попытки... Мне скажут — пишите, работайте, вам никто не мешает. Это и вправду так, но для этой правды драматургия имеет некоторые свои поправки. Главная из них заключается в том, что никогда драматургия не существовала отдельно от театра».

Не прошло и месяца после опубликования статьи, как Погодин получил официальный заказ от МХАТа.

Работал Николай Федорович с огромным энтузиазмом. Он чуть ли не сутка-

от этого образа. Он стал лейтмотивом моей пьесы. Куранты молчат, голод, замерла промышленность, остановилась жизнь государства. И вот Ленин зовет часовщика, зовет инженера... Это и дало идею произведению».

И драматург приступил к реконструкции почти готовой пьесы. С большим художественным тактом ввел в нее символический образ кремлевских курантов. Тема курантов пронизала всю пьесу, придав ей композиционную целостность и поэтичность.

Когда Погодину говорили, что исторически кремлевские куранты были почищены на несколько лет раньше плана ГОЭЛРО, Николай Федорович отвечал: художник имеет право на сдвиг во времени, при условии, что он не искажает исторического факта, который, в данном случае, заключается в том, что часовщика искали по заданию Ленина, а починка курантов, по свидетельству очевидцев, «привела в восторг Владимира Ильича».

В «Кремлевских курантах» Погодин смело пользовался своим правом художника на вымысел, но при этом постоянно выверял слова Владимира Ильича в пьесе по сочинениям Ленина. Поэтому можно утверждать, что художественный вымысел у драматурга базируется не только на отличном знании описываемой эпохи, но и в глубоком постижении характера вождя, но и на тщательном изучении его произведений, которые Погодин умел чудесно превращать в художественные образы.

В Переделкине, в кабинете писателя, на стеллажах многие тома сочинений В. И. Ленина топорщатся бумажными

Он заявил: «Вся моя жизнь теперь — постановка «Кремлевских курантов». Л. Леонидов мечтал о большом, небывалом еще спектакле. Волнуясь, он говорил: «Нужно Ленина сыграть так, чтобы в зрительном зале современники застыли, заплакали, остолбенели, вновь пережили — он жив».

Об этом же мечтал и Погодин.

Каждое утро, как на работу, он приходил в театр, боясь пропустить хотя бы одну репетицию. Актеры задавали ему вопросы по роли, просили заменять отдельные слова и предлагали новые реплики. Кое-что драматург с благодарностью принимал, кое от чего категорически отказывался, восхищаясь точным знанием своих героев и мотивированностью отказа.

В дни, когда почему-либо Погодин не приходил на репетицию, сорежиссер М. Кнебель на основе замечаний актеров составляла для него целую репетицию, которую Л. Леонидов шутиливо называл «резюльция для автора». На следующее утро драматург приносил ответы, которые нередко стоили ему целой бессонной ночи, и вновь включался в напряженную репетиционную работу.

Пока в МХАТе шли репетиции, свыше 50 театров страны показали в ноябрьские дни 1940 года спектакль «Кремлевские куранты». Меня тогда Погодин попросил подписаться в «Мосгорсправке» на получение газетных вырезок и каждое утро спрашивал: «Что слышно?» Он очень остро переживал каждую периферийную премьеру. В их репетициях драматург, естественно, не участвовал, а

заю. Но я хочу, чтобы в спектакле Художественного театра не было ни одного кусочка плохого». И шутиливо предлагал: «Последний раз, по желанию публики, и репетиция продолжалась».

Немирович-Данченко требовал от исполнителей уважительного отношения к авторскому тексту, категорически запрещал заниматься «отсебятинами», учил актеров бережному обращению с умным погодинским юмором. Он говорил: «Жалко, что пропадают фразы с юмором... Погодин этим и отличается, что у него много сценического юмора...» По мнению Немировича-Данченко, главное в драматургии Погодина, а особенно в «Кремлевских курантах» — это народный юмор, которым пронизана вся пьеса, потому что автор видит не Россию во мгле, а свет над Россией.

Главные усилия режиссера были направлены на углубленную трактовку образа Ленина. Немирович-Данченко говорил, что зерно пьесы — гениальный Ленин в эпоху страшной разрухи, неприятия Советской власти ее врагами, борьбы; что вождь должен стать центром спектакля и каждый исполнитель любой роли «должен играть на Ленина, ибо «ужасно важно все протянуть к Ленину».

В стенограммах репетиций спектакля «Кремлевские куранты» отразилась вдохновенная работа Немировича-Данченко над образом Ленина. На одной из репетиций Немирович-Данченко разъяснял А. Грибову, что ленинская пламенность родственна гневу, «потому что пламя — это борьба, пламя — это революция и беспощадность. Никак нельзя быть мягким, добреньким — это не Ленин, не вождь».

Такая трактовка образа Ленина очень устраивала Погодина.

Однажды режиссер потребовал от Грибова, чтобы он свои теплые, ласковые глаза научился переводить на «молнии». Пусть глаза сверкают огнем, сжигающим, но и созидающим. «Тут никакой сентиментальности, — говорил Владимир Иванович. — Самое страшное — Ленин и сентиментальность».

И когда драматург увидел, как воспламенились гневом глаза актера, он воскликнул: «Я не узнал Грибова. Это на меня произвело ошеломляющее впечатление».

Для Погодина совместная работа с Немировичем-Данченко явилась огромной школой высокого мастерства и большим счастьем личного общения с блистательным режиссером. В разное время в ряде статей Погодин рассказывал о великолепных репетициях Немировича-Данченко и отдал дань глубокого уважения этому великому художнику и большому человеку.

8 мая МХАТ показал черновую генеральную репетицию «Кремлевских курантов» подшефной воинской части. А вскоре началась Великая Отечественная война, и премьера спектакля состоялась лишь 22 января 1942 года в Саратове.

17 января 1943 года Погодин пишет жене: «Литературные мои дела опишу особо, пока тут как раз все хорошо. Спектакль («Куранты») действительно пользуется громадным успехом...» В письмах от 4—7 февраля и 5 апреля 1943 года драматург рассказывает ей: «Были мы с Федимым на «Курантах»... Зритель чутко, взволнованно принимает слово, положение, я не боюсь сказать, что он упивается спектаклем. Я шел в день спектакля мимо театра, творится нечто невообразимое, продают билеты «не сидеть», «стоять»... Можешь себе представить, что телефонистка, узнавши, что я автор «Курантов», устроила мне бесплатный разговор с тобой...»

Сначала мне казалось, что это ради комплиментов мне так много говорят о пьесе, но, посмотревши, как принимает спектакль зритель, убедился, что это не так. Федин несколько раз плакал на спектакле и, конечно, хохотал...»

Как и «Человек с ружьем», так и «Кремлевские куранты» были приняты на духовное вооружение советским народом в годы Великой Отечественной войны. По оценке критика Б. Ростокского, «это был один из лучших спектаклей военного времени, высокой идейностью поднимавший патриотическое сознание зрителя».

В 1943 году в блокированном Ленинграде была осуществлена постановка «Кремлевских курантов», о которой критик Ар. Бурлаченко написал: «Большой Драматический театр создал спектакль такой близкий, такой нужный в дни, когда мы отстаиваем нашу свободу, нашу свястную Родину».

Вот уже 30 лет не сходит со сцены пьеса Н. Погодина «Кремлевские куранты». Ее ставят и в нашей стране, и за рубежом, открывая все новые богатства этого вдохновенного произведения, посвященного великому Ленину.

Только творения истинного искусства имеют такую долгую и прекрасную жизнь.

Лениниана Н. Ф. Погодина сегодня

Театр имени Евг. Вахтангова. «Человек с ружьем». Народная артистка СССР Ю. БОРИСОВА — Катя. Народный артист СССР Н. ГРИЦЕНКО — Иван Шадрин.

Ленинград. Народный театр Кировского завода. «Третья патетическая». В роли В. И. Ленина — А. РАСИН. Ирина — Н. СОЛОМАТИНА.

и не выходил из кабинета. Для каждого эпизода с Лениным выдумывал целый каскад ситуаций, чтобы более полно раскрыть характер вождя. Я получил от него много всяких поручений по пьесе. Уточнял у добрейшего академика Г. М. Кржижановского, который относился с большим интересом к работе Погодина, разные моменты по плану ГОЭЛРО...

Практически к началу 1939 года у Погодина уже была готова вся пьеса, но она еще не имела названия.

Обычно Николай Федорович давал каждой пьесе несколько названий и осанавливался на лучшем. Например: «Поэма о топоре» вначале называлась «Металл», «После бала» — «Кометы», «Мой друг» — «Командиры пятилетки» и т. д. Теперь же у него не было названия, которое бы выражало сущность пьесы, и поэтому он считал ее незавершенной.

Погодин рассказывал: «Когда был готов сюжет пьесы, когда все жизненные линии, все судьбы скрестились в ленинском кабинете, были написаны сцены и выписаны люди, окружающие семью Забелиных — матрос Рыбаков, Маша, история их любви, — я почувствовал, что в пьесе чего-то не хватает. У пьесы еще не было названия, она не была закончена... И я вспомнил, что года полтора тому назад молчали кремлевские куранты, и решил соединить молчание курантов с историей Забелиных... Мне казалось, что такая деталь, как заговорившие вновь кремлевские куранты, символически подтвердит мысль пьесы. Так родилось название».

Но дело было не в одном лишь названии. «Как только над моим замыслом, — вспоминал Погодин впоследствии, — над моими мыслями, над моими героями возникли молчаливые кремлевские куранты, я уже не мог никуда уйти

ленточками закладок. Некоторые из них появились во время работы Погодина над «Кремлевскими курантами». Они надписаны его рукой: «К сцене с Забелиным», «К сцене с Узлсом», «К сцене разговора с крестьянами»...

Погодин говорил: «Для драматического писателя, если он вдумчив и наблюдателен, такой факт из ленинских первоисточников в тысячи раз важнее, чем многие факты, рассказанные современниками».

Николай Федорович всегда легко расставался с оконченной работой, а вот с «Кремлевскими курантами» — очень трудно. Пьеса как бы приросла к его сердцу, и он долго любовно шлифовал ее.

Только в конце 1939 года драматург сдал пьесу в отдел распространения, а 15 февраля 1940 года началась длительная и сложная сценическая история «Кремлевских курантов» в МХАТе.

В тот день в маленьком зале на третьем этаже Художественного театра шла читка. Пьеса мхатовцам понравилась. Постановщик спектакля Л. Леонидов, который уже в течение месяца работал с драматургом, дал ей такую оценку: «Пьеса «Кремлевские куранты» меня интересует и увлекает. В этом произведении есть большое обаяние, это бодрая, жизнеутверждающая пьеса...»

Позже, при распределении ролей, Л. Леонидов, обращаясь к актерам, сказал: «Пьеса малорежива, но она действительна, а это очень важно. Возьмите любую роль — большую или маленькую, в каждой из них вы найдете элементы, которые дадут актеру возможность проявить себя творчески».

Для этого спектакля МХАТ выставил свои главные силы. В театре началась репетиционная страда. Общую увлеченность актерского коллектива погодинской пьесой выразил ее постановщик.

любой недобросовестный спектакль морскомпрометировать пьесу.

К счастью, все обошлось благополучно. В ноябре 1940 года стало поступать много рецензий на «Кремлевские куранты». Самое существенное из них я с удовольствием зачитывал Погодину, который откровенно радовался успеху пьесы.

Несмотря на положительные отзывы прессы, требовательный к себе драматург продолжал с МХАТом работу над «Кремлевскими курантами».

11 января 1941 года генеральную репетицию «Кремлевских курантов» смотрел Вл. И. Немирович-Данченко, а спустя немного времени Л. Леонидов написал: «Принимая во внимание огромную художественную и политическую ответственность спектакля и не имея права брать эту ответственность только на себя, я попросил Владимира Ивановича помочь нам в нашей работе, на что он к огромному моему удовольствию охотно согласился».

Позднее Немирович-Данченко рассказывал, что погодинская пьеса увлекла его своим народным юмором, революционной романтичностью, а главное, конечно, образом вождя. «В стремлении помочь Грибову создать образ Ленина во мне волновались самые лучшие, самые возвышенные частицы моей сущности», — говорил он.

17 января 1941 года состоялась первая репетиция под руководством Немировича-Данченко. Математическая точность при анализе текста, удивительное проникновение в суть каждого образа, изумительное мастерство показа и неистовая, увлеченная работоспособность этого 83-летнего человека могли удивлять и восхищать. После напряженной репетиции он мог с обаятельной улыбкой сказать измученным актерам: «Товарищи, извините меня, что я вас тер-